

Давид Гарбар, Германия

АЛЬБРЕХТ ГАУСГОФЕР (ХАУСХОФЕР)

Краткое предисловие

В предыдущих номерах мы опубликовали стихотворения по мотивам и переложения стихотворений нескольких немецкоязычных поэтов: Розы Ауслендер (№1); Поля Целана, Ингеборг Бахман и Нелли Закс. В моём архиве имеются стихотворения по мотивам, переложения и переводы Иоханнеса Бобровски, Германа Казака, Марии-Луизы Кашиниц, Эльзы Ласкер-Шулер, Эриха Фрида, а также Микеланджело Буонаротти, Константиноса Кавафиса и

Джебран Халиль Джебрана (кажется, никого не забыл?).

Но на этот раз я хотел бы предложить вниманию читателей небольшое эссе и несколько своих переводов сонетов замечательного немецкого поэта Альбрехта Гаусгофера (Хаусхофера).

Основанием для этого предпочтения явились два обстоятельства: приближение очередной годовщины Победы над немецким фашизмом и недостаточное, на мой взгляд, знакомство русскоязычного читателя с творчеством этого замечательного человека и поэта.

Пролог

(в форме Эпилога)

*«Это случилось в ночь с 23 на 24 апреля 1945 года, за сутки до того, как советские войска замкнули кольцо окружения вокруг Берлина. Хлесткие выстрелы на заваленном обломками после очередного авианалета союзников пустыре между *Lehrter Str.* и *Potsdamer Bahnhof*, в столице «Третьего рейха» оборвали жизнь восьми человек – людей разного возраста, происхождения и духа, объединенных лишь общими чувствами ненависти, отвращения и презрения к двенадцатилетнему правлению национал-социалистического режима. Это их, узников тюрьмы Моабит, гестаповцы под предлогом перевода «в иное место» и «для сокращения пути» повели через пустырь и эти развалины... За первым залпом последовал второй... И еще шесть человек рухнули на землю. «Поторапливайтесь! – крикнул штурмфюрер СС, – у нас еще много дел. Пуля в затылок тем, кто шевелится или стонет...». Затем тяжелые шаги удалились... И все стихло... Один, переживший все это, молодой коммунист, получивший «свою» пулю в голову навывлет и избежавший «выстрела милосердия» только потому, что потерял сознание, сумел через несколько недель рассказать все это и даже указать место расстрела своих спутников».*

Так пишет автор послесловия к книге «Моабитские сонеты» Урсула Лаак-Мишель. Именно благодаря ему, чудом выжившему в эту страшную ночь молодому коммунисту, мы и знаем о последних часах нашего героя. Я

не ставлю слово герой в кавычки, ибо, действительно, считаю этого человека ГЕРОЕМ. Ведь речь идет о замечательном человеке - Альбрехте Гаусгофере (Хаусхофере).

Это и его жизнь оборвалась там, на пустыре между Lehrter Str. и Potsdamer Bahnhof. Оборвалась...

Так это начиналось

А начиналась она в Баварии, в семье генерал-майора германской армии, доктора политической географии, профессора Мюнхенского университета Карла Гаусгофера и его жены Марты. Именно здесь, в Мюнхене 7 января 1903 года у них родился сын, названный в честь наследника баварского престола Альбрехтом.

Семья принадлежала к аристократии (известный американский журналист и историк, автор книги «Взлет и падение Третьего рейха» Уильям Ширер титулует А. Гаусгофера графом). Это была не только аристократия по происхождению. Карл и Марта Гаусгофер были аристократами духа, образованными интеллектуалами, ценителями музыки, живописи, литературы. Именно в этой обстановке и воспитывались их дети.

В семье царил культ трудолюбия, верности долгу, гражданской ответственности, сочетавшийся с романтизмом и приверженностью к монархии. Детство и юность Альбрехта Гаусгофера прошли в Мюнхене. Здесь в 1917 году, в возрасте 14 лет он поступил в «Терезиенгимназиум», где и проучился до 1920 года.

Как вспоминает его соученик, историк Германн Гампель, гимназист Альбрехт Гаусгофер выделялся среди своих товарищей не только широкими и не по возрасту глубокими знаниями, но и замкнутостью, «дистанцировавшей» его от соучеников. Все годы своего ученичества он «оставался вне коллектива» и иногда казалось, что *«он один шел по тротуару, когда все остальные маршировали по улице»*. И продолжает: «этот дух всепроникающего романтизма, в котором романтический историзм был воздухом, сочетался с шопенизмом и нищенианством, преклонением перед гением Шекспира и Гете, страстной любовью к Альпам и увлечением музыкой». Гемпель утверждал, что уже в юные годы Альбрехт достиг в музыке весьма значительных успехов, и даже делал попытки сочинительства. И в будущем, где бы он ни жил, музыкальному инструменту всегда находилось место в его доме.

А вот еще одно воспоминание того же Германна Гампеля. Оно касается выступления А. Гаусгофера на вечеринке, посвященной окончанию гимназии (лето 1920 г.): *«Позже...выступил Альбрехт Гаусгофер. Он произнес большую речь. Он говорил о Германии..., и так любовно...; говорил обо всем мире, о камнях и звездах, о прошлом и будущем..., говорил так серьезно... Мы не до конца понимали его речь, но полные одобрения, молчали...»*.

Мальчик очень рано думал о своем предназначении. Вот что вспоминает еще один из его знакомых, Райнер Хильдебрандт: *«Говорят, что еще в возрасте 14 лет Альбрехт Гаусгофер в ответ на вопрос о том, кем он будет, когда вырастет, ответил: «министром иностранных дел Германии». И добавляет: «возможно, это только легенда, но интересно, что эти слова приписывают именно Альбрехту Гаусгоферу»*...

Мюнхенские волнения 1918 –1919 гг, попытка установить республику Советов в Баварии, убийство Курта Эйснера, расстрел заложников в Леопольдгимназии – все это произвело на юношу такое

впечатление, что даже спустя 10 лет он вспоминал это как «неисчерпаемый источник ненависти, недоверия, гнева и издевательства...». Однако время шло. Альбрехт Гаусгофер окончил гимназию и, видимо, таково было моральное воздействие отца (чей авторитет был всегда необыкновенно высок и в семье, и среди окружавших его людей), что юноша решил пойти по его стопам – стать специалистом по истории и политической географии. Именно по этим специальностям закончил он университет в 1924 г. Защита диссертации принесла ему звание «доктора» («Promotion»). Надо отметить, что А. Гаусгофер очень рано почувствовал тягу и к литературному творчеству: еще до окончания университета он написал драму в форме диалога «Осенний вечер». Но юность заканчивалась. Начиналась взрослая жизнь.

Взрослая жизнь

После окончания университета А. Гаусгофер переехал в Берлин и поступил ассистентом к известному ученому профессору Берлинского университета Альбрехту Пенку. Старт молодого ученого в науке оказался необыкновенно плодотворным. Уже в 1929 году он был избран Генеральным секретарем берлинского «Географического общества» и назначен ответственным редактором журнала этого Общества. В журнале на протяжении нескольких лет была опубликована целая серия научных статей молодого ученого. Однако автор не испытывал внутреннего удовлетворения от этой своей деятельности.

Как пишут биографы, «..его скепсис был глубок. Он касался не только конкретных вопросов, но и общих проблем научных исследований, их значения и смысла... В поисках смысла целого он обнаруживал лишь «тысячи мгновений» без цели и единства...». Впрочем, научная жизнь продолжалась. И продолжалась, по крайней мере, внешне весьма успешно. Первые годы работы в университете предполагали большое количество весьма продолжительных научных командировок в разные части света: в 1924 г. – Южная Америка (Бразилия...); 1925 г. – Скандинавия; 1927 – Северная Америка; 1930 – СССР. В период с 1928 по 1938 гг. около полутора десятков поездок в Англию. Я не говорю уже о странах Европы... А еще Китай, знатоком истории, искусства и литературы, которого он стал... Все эти поездки не только расширяли кругозор молодого человека, но и укрепляли его связи с бесчисленными коллегами – учеными всего мира. Вместе с возмужанием приходило и понимание окружающего мира. И осознание того, что возникало, что творилось в его родной Германии. А в его родной Германии все больше в силу входил фашизм. Фашизм, в зарождении которого на первых порах принимал участие и его отец Карл Гаусгофер, отец, – чей моральный и научный авторитет был так высок, чьи взгляды на первых порах были вне (и выше) всякой критики.

Осознание

Год 1933 в жизни Альбрехта Гаусгофера, как, вероятно, и в жизни многих его сверстников, был переломным. Однако, в отличие от многих, он быстрее, глубже и болезненнее ощущал «изнанку» нового режима, новой власти. Может быть, этому способствовало и знакомство с бонзами нового

режима: не надо забывать, что «заместитель фюрера» (таково было его официальное звание) Рудольф Гесс был ассистентом его отца, что именно он познакомил Карла Гаусгофера с Гитлером, что Рудольф Гесс до конца своей жизни благоговел перед «магом» Карлом Гаусгофером и оказывал дружескую поддержку и ему самому, и его сыну. Но в «прозрении» Альбрехта Гаусгофера, несомненно, сыграли свою роль и обширные знания последнего, и его кругозор, и, конечно, его принципы и понятия. Вот, что пишет уже цитированная Урсула Лаак-Мишель: *«С сейсмографической чувствительностью своего впечатлительного интеллекта он ощущал, что происходит. Вначале, как многие одаренные молодые люди, он был приверженцем национал-социализма. Но когда он понял, что идеалы его поколения и его знания используются во вред нации и государства, он отвернулся от Гитлера».* И произошло это весьма рано, во всяком случае, осознание страшной опасности и угрозы пришло к нему гораздо раньше, чем к его отцу. Уже в марте 1933 года, после выборов в рейхстаг А. Гаусгофер пишет матери: «... убежден, что мы идем навстречу такой большой катастрофе, что это...».

Но он не только осознал величину опасности, но и со всей решительностью его деятельной натуры повернулся против режима. Вот, что пишет комментатор его «Моабитских сонетов» Айке Мидделль: *«Согласно воспоминаний коллег и слушателей, юный профессор на своих лекциях и семинарах для всех, кто мог (и хотел) слушать его критические высказывания против политической практики немецкого фашизма, делал это в метафорической форме, в академических докладах и в литературных произведениях».*

И продолжает: *«в отличие от большинства представителей духовной элиты Германии, которая в 1933 году не принимала национал-социализм всерьез, считая их «мимоходящим призраком», Альбрехт Гаусгофер уже тогда понимал (и говорил) о серьезности тех последствий, которые несет с собой эта власть».*

Я сознательно опускаю ссылки на его знаменитые «Моабитские сонеты», в которых все это сказано с поэтической точностью и глубоким убеждением, Опускаю, ибо надеюсь опубликовать эти сонеты единым блоком, – когда все это и будет проиллюстрировано... Конечно, гестапо знало о крамольных высказываниях молодого профессора. Но он был сыном самого Карла Гаусгофера! И над ним (и над его отцом) «простирали руки «второй (после Г.Геринга) преемник Гитлера» (таково тоже было его официальное звание) Р.Гесс! Но вот в 1941 году Рудольф Гесс улетает в Англию для встречи с лордом Гамильтоном! Гитлер в ярости! Гесс снят со всех постов и объявлен сумасшедшим... И крысы вылезают из всех щелей: Карлу Гаусгоферу припоминают, что он женат на полуеврейке и напоминают о пресловутых «Нюрнбергских законах». Но... Это все же Карл Гаусгофер! И крысы еще не решаются его трогать. Ждут, что скажет фюрер...

Не трогают пока и Альбрехта Гаусгофера. Пока... Знающие люди советуют ему покинуть Германию, – переехать в Англию, в Швейцарию..., – тем более, что там живут друзья, коллеги... Но Альбрехт Гаусгофер даже не хочет думать об отъезде: это его родина, и он должен оставаться с нею и в ней... Позднее он посвятит этому один из своих сонетов. Да, он гражданин Германии. Но он не скрывает ни своего неприятия звериных взглядов нацистов на «окончательное решение еврейского вопроса», ни своего сочувствия и симпатий к евреям. Он пишет

об этом матери, прекрасно понимая, что его письма перлюстрируются (и даже советует отцу быть осторожнее).

Надо отметить, что еще с 1934 года Альбрехт Гаусгофер по инициативе все того же Рудольфа Гесса на факультативной основе сотрудничал сначала с «Бюро Риббентропа», а позднее с Министерством иностранных дел, которое с 4.02.1938 г. возглавлял тот же И.фон Риббентроп. В рамках этой работы он тоже много перемещается по свету: в 1936г. – переговоры в Праге; 1937г. – длительная «полудипломатическая» поездка по маршруту Сев. Америка – Япония – Китай. Однако постепенно приходит осознание эфемерности возможностей своего влияния на внешнюю политику нацистской Германии. Альбрехт Гаусгофер еще принимает участие в Мюнхенской конференции, но намеренно держится «на заднем плане», не желая способствовать скатыванию мира к войне, к которой его (мир) ввели и нацисты, и их комбатанты.

Тем не менее, после «полета» Р. Гесса в Англию, А. Гаусгофер, как и многие из «круга» «изменника», был отстранен от дипломатической деятельности и даже на 8 недель посажен под арест в связи с небезосновательными подозрениями в помощи «сумасшедшему». Там, в заключении осуществил он «скромную проверку на прочность своей философии»; там посетили его отец (который немного спустя тоже был временно арестован за связь с Гессом) и мать, его любимая мать – человек, с которым он всегда делился самым сокровенным, и о которой он так трогательно и нежно заботился... «Философия» Альбрехта Гаусгофера выдержала «проверку на прочность». Но кто знал, что настоящая проверка еще впереди...

Мы должны это сделать! («Покушение 20 июля 1944 года»)

Если «аншлюсс» Австрии принимался немцами по-разному, то захват Чехословакии и нападение на Польшу окончательно «отрезвили» и сторонников, и критиков «режима». Активизировались оппоненты среди интеллектуальной и военной верхушки. За 12 летний период, в течение которого нацисты находились у власти, состоялось несколько десятков попыток покушений на Гитлера. Все они и готовились разными людьми, и проводились (или не проводились) по-разному. И эта тема вполне заслуживает особого разговора. Однако «покушение 20 июля 1944г.» стоит в этой череде особняком, – как по своему размаху и количеству вовлеченных в него людей, так и по своим ужасным последствиям. Альбрехт Гаусгофер, человек, принадлежавший к принципиальным противникам режима, не мог не принимать участия в этом заговоре. Более того, высокий интеллект и принципиальное неприятие нацизма, сделали его одним из идеологов заговора. И когда заговор оказался раскрыт, то Альбрехт Гаусгофер, как человек информированный и умный, не мог не понимать, что его связи с такими руководителями и участниками заговора, как И.Попиц, У.фон Хассель, Ф. Шуленбург и другие не может оставаться тайной ни для юстиции, ни для гестапо. И хотя А. Гаусгофер после провала заговора достаточно спокойно покинул Берлин, но он не предпринял попыток покинуть страну. Он отправился к себе на родину – в Альпы. Здесь в родовом имении на Аммзее, в Амхютте, возле Партенкирхена, он вместе с матерью уничтожил компрометирующие документы и здесь же был арестован.

Арестован вместе со своим младшим братом. А 28 июля там же был арестован и препровожден в Дахау и их отец Карл Гаусгофер...

Часто ставится вопрос: почему братья Гаусгоферы, прекрасные альпинисты, знатоки местности не сделали никакой попытки перебраться в соседнюю Швейцарию? Ответ на этот вопрос дан в сонете «Родина». Для Альбрехта Гаусгофера бегство – бегство от ответственности было невозможно. И хотя он понимал, какой режим ему противостоит, но принципы для него были важнее. Важнее личной безопасности. И даже важнее угрозы смерти. Это трудно понять. И в это трудно поверить. Но он, Альбрехт Гаусгофер доказал это и своей жизнью, и своей смертью.

Он провел в Моабите 9 месяцев. Большинство его товарищей было казнено почти сразу. И самым жестоким способом... Альбрехт Гаусгофер был оставлен в живых. Пока.

Есть предположение, что временно оставляя в живых некоторых заговорщиков, Гиммлер вел «свою игру». Наверное, это так. Эти... ничего не делали без умысла.

Но мы должны быть благодарны судьбе за то, что у Альбрехта Гаусгофера было еще 9 месяцев...

Девять месяцев изо дня в день перебирал он свою жизнь, мысленно общался со своими родными, с кумирами, со своими великими современниками, делился раздумьями...

И писал. Писал сонеты. Сонеты! Вдумайтесь: здесь в Моабите, в ожидании смерти, он писал сонеты – один из самых сложных образцов поэзии. И как писал! И сколько!

Я уже говорил, что не хочу перечислять и называть все сонеты. Да это и невозможно. Их ведь 80! И я надеюсь ознакомить читателей с ними. Потому что я перевел их. Все 80.

Это отняло много времени. Но это было прекрасное время, ибо в процессе перевода мне посчастливилось соприкоснуться с величием духа этого человека – **АЛЬБРЕХТА ГАУСГОФЕРА (ХАУСХОФЕРА)**.

Послесловие

Альбрехт Гаусгофер не дожил до победы над фашизмом. Но он боролся за право жить в этом мире. Боролся и погиб. Я завершил перевод его сонетов 8.05. 2003 г., в день, когда весь мир отмечает Победу и накануне 9.05.2003 г., – когда эта дата отмечается в странах бывшего СССР.

В этот день мы вспоминаем обо всех погибших в борьбе с фашизмом. Обо всех погибших за нас. Для меня, пережившего Вторую мировую войну в детском возрасте, это великая дата.

И я, спасенный в этой войне, рад тому, что мне удалось сделать полный перевод всех 80 его «Моабитских сонетов». Пусть это будет моим приношением его памяти. Памяти всех, кто ценой своей жизни позволил нам дожить до этих дней.

И несколько примечаний:

1. В изысканиях биографии Альбрехта Гаусгофера мне помогала моя жена **Раиса Вениаминовна Гарбар**. А подстрочные переводы текстов стихов А. Гаусгофера выполнила профессиональный переводчик с немецкого **Ева Семеновна Едвабная**. Приношу им мои самые искренние благодарности.

2. Под каждым переводом проставлена дата его (перевода) осуществления. Это сделано не только из научного педантизма или с целью оказания помощи будущим исследователям моего «творчества». Отнюдь. Просто, таким образом мне хотелось показать как это делалось, – ибо ознакомление с творчеством и высотой духа этого человека было как ожог.

Условия журнальной публикации не позволяют в рамках одной статьи представить Вашему вниманию все мои переводы сонетов Альбрехта Гаусгофера. Некоторое количество, возможно, будет представлено в следующей публикации. А пока лишь несколько:

I В оковах

Нет, камера моей тюрьмы
Лишь кажется безжизненной, пустой.
И серость стен, решеток стиль простой
Скрывают жизнь, которой дышим мы

Да, жизнь: надежда и вина,
Людское горе, всемогущий рок,
Безмерность смерти, жизни краткий срок, –
Все это видела и слышала она.

И каждый шорох, каждый стук
Я слышу – на пределе нервы...
Я не последний здесь... И я не первый...

Я чувствую тепло протянутых мне рук
Сквозь сон, что охраняет воспаленный ум,
Сквозь одиночество. И безысходность дум...
Переведено 22. 02. 2003г.

XXIII Отчизна

Я часто слышал на допросе:
Зачем я не бежал, не скрылся от погони
В Швейцарии – кто там меня догонит?
Недоумение мне слышалось в вопросе...

Что мне сказать, как мне ответить им?
Мне верилось – Отчизна сумеет защитить меня,
Что выведет меня из – под огня...
Но не был я спасен Отчеством своим.

Едва ли я увижу отчий дом
И край, где снежные вершины
Стоят на страже – стерегут долины,

Где каждый год под новым льдом
Стоят на страже новой жизни

Вершины – рыцари моей Отчизны.
Переведено 1. 03. 2003г.

XXIV Ахерон

Я ухожу за Ахерон...
Последние слова в наземном царстве:
Преступна власть в преступном государстве.
Отец, очнись! Ты ослеплен!

Над родиной навис смертельный холод.
Страна погружена во мрак и сон.
Отец! Неужто этого не видит он:
Пожары, смерть, разруха, голод...

Я часто отрекался от всего:
От радостей любви, от хлеба и вина...
Конечно, в том, что есть, – есть и моя вина...

Вот Ахерон. Я на берегах его.
Осталось бросить лишь последний взгляд.
За Ахероном нет пути назад...
Переведено 1. 03. 2003г.

XXX Мама

Тебя я вижу в отблеске свечи:
Ты у калитки. В ночь глядишь в упор.
Ты ждешь. Прохлада сходит с гор.
Ты зябнешь в холоде ночи.

Ты мне глядишь спешащему вослед,
Спешащему во мрак, в безвременье, в дорогу...
И улыбаешься, чтоб скрыть тревогу...
Кто знает, что нас ждет во мраке лет...

Нет, то не свет свечи, – любовь твоя
В крошечной тьме мне освещает путь.
Я ухожу... Назад не повернуть...

Седая прядь дрожит. И в ней вина моя.
Огонь свечи. Окошка рама...
Ты мерзнешь. В дом войди, согрейся, мама...
Переведено 2. 03. 2003г.

XXXVII Брат

Мой брат! Он тоже здесь. Но он не виноват.
Он обвинен беспочвенно, облыжно.
Они надеются, что, может быть и выжмут
В допросах про меня. Но он всего лишь брат.

Мой брат, он не такой, как я:
Он домосед, и дом ему как щит,
Он садовод, и на земле стоит,
Отец и муж он, у него семья...

Надеюсь я. – минует горький час,
Он оправдается и на свободу выйдет,
В дом возвратится, родину увидит...

И там, на родине он встретит вас.
Потом, надеюсь, в вожденной тишине
Вы с братом вспомните и обо мне...

Переведено 11. 03. 2003г.

XXXVIII Отец

Есть на Востоке сказка: демоны земли,
Что горести и смерть несут народу,
В кувшины загнаны и спущены под воду
Пучина скрыла их Над ними – корабли...

Но вот рыбак кувшины вынул из воды.
И знать не зная, кто в них заключен,
Открыл... И демоны на волю вышли вон.
И землю вновь объял пожар беды...

Так мой отец, найдя кувшин в воде,
Мог демона в кувшине удержать.
Но он с кувшина снял печать...

И демон на свободе – быть беде...
Отец, ты снял печать – на волю вышло Зло...
Отец, ты близорук! Нам вновь не повезло...
Переведено 11. 03. 2003г

XXXIX Вина

Мне говорят: ты виноват, ты предал...
Нет, не предатель я народу своему.
Я виноват в другом: я знал..., но я ему
Не говорил о том, что раньше многих ведал.

Моя вина в ином: я видел – из кувшина
Зло вырвалось и воспарило ввысь.
Я должен был кричать: Народ, остерегись!
Но я молчал. Зло создало преступную машину.

Я виноват. Не в том вина моя,
Что я боролся с властью бешеного зверя.
Я слишком долго ждал, надеялся и верил,

Что это сделает другой – не я, не я...

Вот в чем пред Родиной вина моя.
Сегодня ясно вижу это я...
Переведено 11 – 12. 03. 2003г.

XL Судьба (Фатум)

Морская буря и степей ужасный жар –
Столкнулись в нашем доме две стихии...
Что ждет мою страну в года лихие!?
Где силы взять, чтоб погасить пожар!?

Тех, кто способен твердою рукою положить
Предел преступников деяньям,
Власть уничтожила. Теперь за злодеянья
Придется нам большою кровью заплатить.

Зола и пепел – вот, что всех нас ждет.
Зола и пепел – больше ничего...
Таков удел народа моего...

Но верю: светлый день придет..
Золу и пепел смоем дождь веков...
Да, будет так! Закон веков таков...
Переведено 12. 03. 2003г.

XLVI Гибель (падение)

Легко о смерти слышать. Но чужой.
Как будто это эхо издалече.
Как будто вовсе не о смерти речи...
Но нынче гибнет не чужой, а свой.

Да, это мой народ. Он обречен...
За глухоту к страданьям жертв, за опьянение победой,
За горлопанство и заносчивость, за беды,
Что он принес другим, заплатит он.

Вертится Божья мельница. Вертится...
Все перемолото: победы и успех.
Теперь к ответу – всех нас. Всех...

Мне страшно думать, что случится,
Как сложится судьба народа моего...
За все ответит он – теперь черед его...
Переведено 13. 03. 2003г.

LII Без оков

Не помню сколько я носил свои оковы.
Не знаю, что мне ждать в грядущем «впереди».
Желания кипят еще в моей груди.
Они пока смириться не готовы.

Оковы страсти: детское «хочу»,
И взрослое «могу», и мужественно «надо», –
Вот внутренних оков триада.
Преодолеть ее – теперь мне по плечу.

Оковы внешние – в них тоже есть урок:
Я сердце заковал свое в броню.
И верность только принципам храню.

Тюрьма: ну, что ж, – и это впрок...
Полгода в кандалах – урок таков:
Свободен я теперь от внутренних оков...
Переведено 02 – 03. 04. 2003г.

Заключение

Я начинал это эссе с цитаты из Урсулы Лаак-Мишель. И закончить хочу тоже из нее: «Человек жив, пока жива память о нем».
От Альбрехта Гаусгофера, кроме его пьес, стихов, научных работ, осталось, чудом уцелело 12 страничек формата А-4, 12 исписанных мелким почерком страничек, – а там 80 сонетов – «Моабитских сонетов».
И в них вся жизнь.
И пока люди будут переводить, пока люди будут читать их, он будет жить.
Будет жить!